

ЛЕВ КУКЛИН

Я верю

Лев КуКЛИН · Я ВЕРЮ

ЛЕВ КУКЛИН

Я верю

СТИХОТВОРЕНИЯ
ПЕСНИ

ЛЕНИЗДАТ · 1977

В книгу входят наиболее известные стихотворения и песни Льва Куклина, созданные за двадцать лет работы в литературе.

И в стихотворениях гражданского звучания. и в любовной лирике поэт стремится отразить живые черты современности.

*Возвращение
к истокам*

*СТИХОТВОРЕНИЯ
ПЕСНИ*

А круглый столик, как срез ствола,
Меняет свое лицо.
Вглядись — под прозрачным лаком стола
Растет годовое кольцо!

И пахнет июльской смолою срез,
И где-то журчит ручей...
Как редко мы видим великий лес
В душах наших вещей!

Старый, почтенный дубовый шкаф
Врастает корнями в паркет.
Он молод, как желудь.

И ясно — он прав:
Душа не стареет, нет!

Ничто просто так не уходит гнить,
Есть память, запах и след.
Ведь даже в доске продолжает жить
Буйство зеленых лет!

Да будет кровь совершать, трубя,
Свой звонкий круговорот!
Да будет удача встречать тебя
У настежь открытых ворот!

1960

Попытка биографии

Мальчишка жил на улице Некрасова,
От новой школы — пять минут ходьбы,
Не зная ни классической,
ни классовой,
Ни прочих разновидностей борьбы.

Но он ушел на фронт,
на полуслове
Ответ по географии прервав,
И сам прошел,
по грудь в золе и крови,
По сотням городов и переправ.

Ему везло.
Не слишком изувеченный,
Майором он войну отвоевал.

Губами, не целованными женщиной,
Он над рейхстагом знамя целовал.

Ну, а потом — заводы восстанавливал,
Спал у станков, как на передовой,
Хромой, как черт,
и, словно черт, — талантливый.
По должности — конструктор рядовой.

Он часто был начальству нежелательным,
Державшийся,
как врытый,
на своем.

Он умер от инфаркта.
Неженатым.

Во время сборки.
В пятьдесят седьмом.

Ну, вот и все.
Средь биографий прочих

Такая — ограничится листом.

А школа что?

Да, школу он закончил.

Уже седым.

Но я ведь не о том!

Мальчишка жил — не шумный, не отчаянный,
Смотрел, как я, в густую синеву.

Об этом я узнал совсем нечаянно:

И я на той же улице живу!

Какой дорогой я пойду — неведомо,

Но понимаю совестью своей:

Я — сын его.

Ведь у мальчишки этого

При жизни не осталось сыновей...

1963

Размышление о скоростях

Иду вдоль пашен,

вдоль небыстрых рек

И чувствую себя вполне счастливым:

В курьерский век,

в ракетный век

Такая роскошь — быть неторопливым!

1963

Возвращались — опивались и нищали,
Лиходеи, самозванные послы.
Ничего они царям не обещали, —
И Сибирь им, как на блюде, поднесли...

Северный мотив

Молоко было сложено в штабель.
Отпускали его по кускам.
И струился панбархат и штапель
По натруженным женским рукам.

Полушубки кержацкой эпохи
На плечах — что твои терема.
И олени узорные дохи
Сводят северных модниц с ума.

Покупают продукцию массы.
Никуда не спешат, не грубят.
И рычат у закуской «МАЗы»,
И морозные нарты скрипят.

Два дружка отрывают колена.
А для трезвых завистливых глаз
На запястье скуластого пенца —
Золотые часы напоказ.

Весь сияя, как медное блюдо,
Он вразвалку идет по земле,
И играет заморские блюзы
Портативный приемник в чехле.

Вкусный запах щекочет вам нервы,
И не хочешь, а слюнки текут:
Знаменитые рыбоконсервы —
Здесь еще первозданный продукт...

Рассуждая взахлеб про плотину
И про паводки ранней весной,
Гидротехник жует струганину,
Улыбаясь щербатой десной.

И простор неизведанный манит
Там, где Обь — нашей Волги сестра,

Где Уральские горы в тумане —
Как огромный хребет осетра.

Все здесь крупно.

Здесь дела немало.
Здесь такое еще предстоит!
И над новым весенним Ямалом
Полуночное солнце стоит!

Вступление в Сибирь

О стране деревянных домов,
О стране вертикальных дымов,
О стране акварельной зари
Ты, пожалуйста, вновь говори.

Говори про такие места,
Где еще ни тропы, ни моста,
Где в протоках, тараща глаза,
Голубые стоят харьюза.
Там, где лоси приносят дары
На рогах к берегам Ангары...

О стране, где кедровый орех
Не для всех по зубам, не для всех...
Где метелью яры январь,
Ты, пожалуйста, вновь говори.

О стране, где земля молода,
Где растут в кедряче города,
Там, где клин
журавлиных путин —
Над бетоном великих плотин.

О стране, где одно не забудь:
Здесь нельзя никого обмануть!
О стране, где я сердцем привык
Понимать ее нрав и язык.
Нам теперь не нужны толмачи.
Говори же о ней.

Не молчи!

Ода буровикам

Ребята в брезентовых робах,
В спецовочках марки «хб»!
Мы с вами — породы особой,
Мы с вами — друзья по судьбе.

Срываюсь с кровати, бывает,
Заслышав полночный трамвай:
Скрежещет в ночи буровая, —
Давай, не зевай, поспевай!

Над гребнями сопок покатых
Треноги встают поутру.
И крылья походных палаток
Опять загудят на ветру.

Зачавкает рыжая жижа
Холодных осенних болот.
Смеюсь — неужели увижу
Я в жизни еще раз балет?!

Ребята в брезентовых робах,
В бахилах — почти кораблях!
Я с вами — до гроба, до гроба,
И дело не в длинных рублях!

Нам платят, понятно, на совесть.
Несладок походный уют.
Но самую лучшую повесть
Здесь лично,
руками куют.

А после рекордной проходки,
Смывая солярку да пот,
Пол-литра заначенной водки
Бригада в бараке допьет.

Ребята в брезентовых робах!
Вы так равнодушны к словам!
Но знаю: и зависть, и робость,
И подлость — неведомы вам!

Таежных трущоб лабиринты
Хранят еще ваши следы.

Блестит на столе лаборанта
Кристалл долгожданной руды.

Внимательный глаз микроскопа
Придирчиво смотрит руду, —
А мне все мерещатся тропы,
Которыми с вами иду...

Бетонщик

— Кто тут писатель?
Покажись!

— А ты писатель?
Побожись! —

И хохот коллективный.

— Шагай, за воздух не держись,
Давай, смотри на нашу жизнь.

— Ты напиши про нашу жизнь,
Но только — объективно!

И, с двух концов грызя батон,
Бетонщик набавляет тон,

Хлебная чай виридачу:

— А ты подумай, друг, о том,
Когда в мороз идет бетон.

Ты знаешь, как идет бетон,
Когда сезон горячий?

А ты отведай мой урок,

Когда играет ветерок

У нас на верхотуре.

Внизу мигает костерок,

А здесь — летает матерок,

Когда оставишь кожи клочок

На этой арматуре!

Я демобилизован был,

Скалу на котлован дробил,

Азартничал, мальчишка!

А нынче — третий год подряд

Сажусь в кино на пятый ряд,

На месте том, где, говорят,

Пытали золотишко...

В роду у нас один секрет:
Все делать раз — и на сто лет,
Не экономя поту.
Живу я просто, без затей,
Жену имею, трех детей
И не ищу других путей,
А делаю работу!

...Ну, что ж...

Я скидки не прошу:
Не там живу, не тем дышу.
Ладонь моя не стынет.
Не сею я и не пашу,
Скалу шпурами не крошу —
Я авторучку заносу
Над белою пустыней!

Я принимаю твой секрет:
Все делать раз — и на сто лет.
Отличная задача!
Я часто думаю о том,
Я разрезаю свой батон,
И вспоминаю твой бетон,
И зависти не прячу!

И сразу слышу между строк,
Как рвется ветер-ветерок,
В ущелье тесном злая,
Как лебеди трубят в ночи,
Как бьются насмерть рогачи
И золотятся кедрачи
Над розовою Зеей!

Галя-Паля

С лесосеки и берега правого
Работяги зря не трепали:
Называли Галину Павловну
Очень ласково:

Галя-Паля...

Каждый знал, где могильным холмиком
Ее злая судьба насыпана.
У ее дощатого домика
Даже «МАЗы» ходят на цыпочках.

Три венка у бетонного столбика...
И без них горе женское полно:
Утонул ее Коля-Коленька
В котловане, в глухую полночь.

На юга́ ее звали, на жительство —
Мол, схоронено — позабыто.
Но не едет она со строительства,
Там ведь сердце ее зарыто!

Жизнь ведет она вроде тихую.
Ни один у нее не притерся.
Все работает поварихою
В той же — старой — столовой ОРСа.

С каждым парнем она приветлива,
С каждой девушкой — тоже ласкова.
Не старуха — тридцатилетняя.
Ни жена,
ни вдова солдатская...

Верхолазы, как звери, упрямые,
Доедая обеды внеплановые,
Кличут «левобережною мамою»
Галя-Палю,
Галину Павловну.

И пока шоферня копченая
Над горячим чаем сутулится,
Простирнет им спецовку черную
И пришьет холостёжки пуговицы.

Если что-то не так случается,
Галя-Паля вроде правительства.
Как с министром,
с нею считается
Цельноотянутый начстроительства...

Сколько жизней ею направлено!
Работяги зря не трепали.
Мой поклон вам,
Галина Павловна!
Ниже низкого,
Галя-Паля...

Сашка-бульдозерист

Я об этом узнал не сразу,
Потому что не слишком речист
Сторож авторемонтной базы
По прозванию «Бульдозерист».

Ах, как делал работу Сашка!
Не марал он любовь рублем.
На спине дымилась тельняшка
Над стальным его кораблем.

Называли его профессором.
Уважали его: «Артист!»
И была у него профессия,
А не прозвище — бульдозерист.

Да случилось: дождливой осенью
На отсыпке бичевника
Сашка выхватил из-под оползня
Первоклашку-ученика.

И ножом чужого бульдозера...
Ноги Сашкины...
До колен...
Расплескались глаза, как озеро.
Боль — до сердца.
Больничный плен.

Сколько слышал он баек подлых!
Подъезжали: — Сынок.
Сынок... —
Вот в газетах писали — подвиг!
Подвиг, подвиг...
А ты — без ног!

Жизнь была — соловьиная песня.
Ну а нынче — только не ври!
А теперь — двадцать три.
И пенсия.
А на кой она — в двадцать три?!

Хоть дружки не забыли,
не скурвились.
Пишет письма рабочий класс.

И в Илимском остроге Радищева
Заметает метелица след...

И прописку свою ленинградскую
Променил я на город лесной.
Я приехал на станцию Братскую,
Там, где пахнет ангарской сосной.

Что же, сказки росли да повзросли.
Сказкам сделаем скидку на стаж.
Нынче здесь все заботы и вымыслы
Подчиняет высокий вольтаж.

Ангара, ой ты, речка Ангарочка!
Сказок знала ты целый мешок,
Да такого не ждала подарочка, —
Как бетонный в волнах гребешок!

И в чащобе, от бога забытой,
Нынче тоже ученый народ:
Дед скребется электробритвой
Да ворчит, что щетину дерет...

Эх, здесь током сегодня — залейся!
Здесь река от трудов устает,
А за лесом, за лесом, за лесом —
Усть-илимское солнце встает!

1963—1967

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ

...Водой колодезной умыться
И бережливо, босиком
Пройтись по белым половицам
С большим коричневым глазком.

Глазам не веря, раз по десять
Все щели просчитать подряд.
На тот же гвоздь часы повесить,
Что много лет тому назад...

И будет тикать, будет тикать
В том деревянном терему,
И будет тихо, будет тихо
Существованью моему...

А утром выйдут из тумана,
Продолговаты, как года,
Неторопливы и пространны,
Нефтеналивные суда.

И где-то сбоку пригулится
В кургузых, до колен, штанах
Пацан — курносый, круглолицый,
Весь в синяках, как в орденах!

Не по названьям бакалейным —
Он учит грамоту не там:
По этим рейсовым, линейным,
Квадратным буквам по бортам.

Пока его не попросили
К доске, в словесный спор и гам, —

Здесь пол-России,
пол-России
Переберет он по слогам...
1967

Уроки чистописания

Учили в школе нас чистописанью.
Свистели перья,
словно соловьи.
Но было общим — только содержанье,
А кляксы,
кляксы — все-таки свои...
1968

Шпалы

От потакальщиков для дела — малый прок,
И спорщиков судить не надо строго:
Вот шпалы, —
хоть ложатся поперек,
А ведь на них и держится дорога!
1968

„Я“ и „Мы“

Выразить себя
через себя —
Трудности особой в этом нету.
Но художник,
жадно холст скребя,
Но художник,
целый мир любя,
Пишет не одни автопортреты.

Выразить себя через других —
Вот задача!
Посложней иных...
1968

С ПАМЯТЬЮ НАЕДИНЕ

Воспоминание о ночной Праге

Стооконна, стоглава,
Дремлет площадь Вацлава.
Над мостами — туман...
А от сердца направо —
Волга, Висла и Влтава —
Реки славных славян.

Шпили каменных елей —
Дети гордых метелей —
В сером небе плывут.
В старой сказочной Праге
Чародеи и маги
Незаметно живут.

Светит в призрачной Праге,
Полный смутной отваги,
В окнах узеньких свет.
Там рисует зигзаги
На обрывках бумаги
Знаменитый поэт...

Помня беды и славу,
Величавая Влтава,
Словно сказка, течет.
Слышишь — тихо по Праге
Ходит Тихо-де-Браге,
Астроном, звездочет.

Он походкой дозорной
Бродит всюду с подзорной
Раздвижной трубой.
Вдруг скользнет тенью черной
По решетке узорной,
По стене голубой...

И на острые крыши
Залезая повыше,
Все глядит звездочет:
Что в прошедшем неясно,
Что сегодня прекрасно,
Что нас в будущем ждет?

1968

Песня странствующего монаха
(Русь, XIV век)

Я — странствующий монах.
Бреду я к третьему Риму,
И крест на моих раменах
Сгибает меня незримо.
Кругом головни торчат,
В котомке — сухарь да книги,
И в меру шагов бренчат
На теле моем вериги.

А я — слезами солюсь,
Я ноги влачу босые,
Но я за тебя молюсь,
Россия моя,
Россия!

Я — странствующий монах.
Ряса моя истлела.
О всех родных именах
Душа моя изболела.
И мерный трезвон вериг
Не так мне плоть сокрушает,
Как черный, чужой язык,
Что всюду нас окружает!

От злых татар хоронюсь
И взгляды ловлю косые,
Но я за тебя молюсь,
Россия моя,
Россия!

Я — странствующий монах.
Я, может быть, богом проклят!
На княжеских знаменах
Не вписан мой тихий подвиг.

Как дым пожарищ горчит!
Влекусь я тропою узкой,
Но в сумке моей кричит
Весь гордый алфавит русский!

А я по нему томлюсь,
Храню я слова святые,
И я за тебя молюсь,
Россия моя,
Россия!

Я — странствующий монах.
Дорога моя сурова.
Но в будущих временах,
Я верю, воскреснет Слово!
Когда проворкует: «Аз»
Светловолосый отрок, —
Я верю:
настанет час,
И вспомнят мой тихий подвиг!

Я диких зверей боюсь,
В леса уходя густые,
Но я за тебя
борюсь,
Россия моя,
Россия!

1973

Баллада о Макаре, строителе мостов

Куда Макар телят не гонял...

Поговорка

Нет, певчих на клирос
не звали в размахе житейском.
Родился и вырос
мальчишка в семействе путейском.
— Занятье простое, —
твердил его прадед свирепо.—
Сначала — устои,
а мост — проще пареной репы...
Парадно одет,
доверяя труду и расчетам,

Ваш путь стал короче:

мосты — продолжение улиц.

Секрет тех мостов,

а в бревне ли, в бетоне, в металле,—

От скальных грунтов

чтоб конструкции в небо взлетали!

Занятье простое,

и спорить об этом нелепо:

Сначала — устои,

а мост — проще пареной репы!

Решетки — детали,

а мост — и надежен, и вечен:

В хорошем металле —

частица души человеческой!

1969

Баллада о шоферше Татьяне Владимировне и парне с „Русского дизеля“

Случилась эта история,

как водится, — на миру.

В пятом таксомоторном спросите, ежели вру...

Парень с «Русского дизеля» шоферше сказал:

«Люблю!»

Сюжет развивался стремительно, — здесь я душой

не кривлю.

Он приходил на свидания,

кепку мял и молчал...

Она — на такси подъезжала, но счетчик напрасно

стучал.

Бывало, что срочный вызов оплачивал сам жених,

Но чаще Татьяна Владимировна докладывала

из своих...

То он, то она в ночную. Времени было в обрез.

И все же событие вызвало общественный интерес!

Парень с «Русского дизеля» шоферше сказал:

«Люблю!»

Четыре сотни таксеров сбросились по рублю.

Такую свадьбу отгрохали в ресторане «Москва»,—

Еще до сих пор по городу об этом гремит молва!

Старуха

Бредет старуха вдоль обочины,
Как исстари велось — пешком:
Ничем иным не озабочена,
Ольховым машет посошком.

Идет, как будто в удовольствие,
В парадном стираном платке,
Свое походное довольствие
Несет в нехитром узелке.

Куда идет она, неспешная?
Внучат качать?
К родне гостить?
А может, просто — безутешную
Могилу мужа навестить?

...А дома — сеяно-несеяно,
В земле родной — все сыновья...
Куда ж идешь ты, Федосеевна,
Старуха вечная моя?

Лежат дороги асфальтированные
Во всех центральных областях.
Машины — молнии хромированные —
Свистят на высших скоростях.

— Далека ли путь?
Садитесь, бабушка!
Ведь пригодились на ходу?
— Сынок, спасибо!
Не слаба, уж
До зорьки как-нибудь дойду...

Присядет где-нибудь на камешек,
Развяжет скромный узелок.
Отломит у краюхи краешек,
Достанет с солью коробок.

Откусит корочку соленую,
В траву ни крошки не смахнет,
И лука перышко зеленое
В соль-крупномолку обмакнет.

Бутылка с пробкою газетною
Полна водой из родника.

Похожих на диск автоматный,
Печали и правды заряд.

Так вот что отцы или деды
Оставят грядущим векам!
И жесткие слезы Победы
Текут у меня по щекам!

1972

Сон

С рождением сына мне видятся странные сны:
Как будто погибший отец мой вернулся с войны...

Моложе меня мой отец, а по-новому — дед.
Он входит в квартиру, в солдатскую форму одет.
Он входит в квартиру

и долго стоит у окна:

— Ого, — говорит, — как живете!

Тушенка моя не нужна... —

Потом над кроватью склоняется с тайной тоской.
На внука глядит, прикрывая щетину рукой.

— Похож, — говорит, — как похож на тебя и меня!

Не я ли ему подарил расписного коня?

Не я ли ему про Иванушку сказку читал?

Ах, как я в окопах об этом мечтал,

как мечтал! —

Скрипит по паркету в разбитых своих сапогах.

Ну да, — фронтовик,

не умеет ходить на носках.

И я просыпаюсь, — хочу холодильник открыть,

За встречу хочу подходящую стопку налить.

— Куда ж ты уходишь? — бессильно шепчу я.

— Куда? —

Размеренно капает в ванной из крана вода.

За шторой светает.

Какая стоит тишина!

С чего же, скажите,

мне снова приснилась война?!

1972

Шахматы

Анатолию Карпову

О них твердят: да, да...

Игра ума...

Хоккей трудней.

А тут — ни бить, ни прыгать!

И кожа их, горячая, шелковая,
Чуть вздрагивала в холоде реки.

Свободные,
без ездовых и окриков,
Забыв на миг узду или седло,
Они тянули к небу лица мокрые
И ржали удивленно и светло.

С их губ срывались гулко капли крупные,
И в ржанье их — вот тут, невдалеке, —
Я слышал что-то —
ну почти доступное! —
На гордом, позабытом языке.

А полночь белая,
былинная,
древлянская,
Туманным маревом окутывала нас.

...А за рекой,
железом грузно лязгая,
Спешил куда-то одинокий «МАЗ»...

1974

Баллада о часах Фрэнка Бормана

В маленьком тихом музее Звездного городка
Часы астронавта Бормана потягивают слегка.
На солнечных батареях, которым же нужен завод,
Идут они безостановочно вот уж который год.
Где мужество высшей пробы брошено на весы,
Рядом с вещами погибших

идут живые часы!

Они побывали в деле,
прославив свою страну:

Часы на Луну поглядели
и облетели Луну!

Киплинг со мной согласится: всегда, во все времена,
Мужество — это мужество.

Цена у него одна.

Табличка на лунном модуле гласит — высоко
от Земли:

«Мы от всего человечества с миром сюда пришли!»
Слава была заслуженной.

Она сотрясала мир:

Часы астронавта Бормана — космический сувенир!
У коллекционеров в Америке недаром текла слюна:
Часы в самой звонкой монете оценены были сполна!
Миллион! — грандиозным колоколом звенело

для многих ушей.

Мужество — это мужество.

Даже в глазах торгашей!

...В маленьком тихом музее хорошим солнечным

днем

Фрэнк Борман молчал и думал о звездном

и о земном.

Быть может, он слышал в будущем —

но это его секрет! —

Шелест земного знамени на фортпостах дальних

планет.

Не знаю, о чем он думал,

но он улыбнулся светло,

Снял знаменитые часики

и положил под стекло...

Непрактичным мужским поступком, как громом,

поражена, —

Ого! — какими глазами на него взглянула жена!

Водя меня по музею,

об этом мне рассказал

Чуточку располневший космический генерал.

Большая звездная слава

меня касалась крылом.

А сувенир миллионнодолларовый

поткивал под стеклом!

Всем торгашам на зависть

и всяким смертям назло

Сквозь него московское время необратимо текло!

Мои земляки — земляне!

Мы с вами помнить должны:

Мужество — это мужество.

Оно не имеет цены!

ТЫ НЕ ОДИН

Песни

Голубые города

Города, где я бывал,
По которым тосковал,
Мне знакомы от стен и до крыш.
Снятся людям иногда
Их родные города:
Кому — Москва, кому — Париж...

Ну а если нет следов
На асфальте городов,
Нам и это подходит вполне:
Мы на край земли придем,
Мы заложим новый дом
И табличку прибьем на сосне.

Все на свете города
Не объехать никогда.
На любой остановке сойди!
Есть у нас один секрет:
На двоих нам — сорок лет,
Как говорят, все впереди...

За ночь ровно на этаж
Подрастает город наш.
Раньше всех к нам приходит рассвет.
Снятся людям иногда
Голубые города,
У которых названия нет...

1963

Что у вас, ребята, в рюкзаках?

Что у вас, ребята, в рюкзаках?
Знаю, что не очень вы богаты.

И мне кажется — шепчут деревья и травы
Высокое имя его...
Пусть на свете немного он прожил, —
Знаю, честным он был до конца.
На отца я хочу быть похожей,
Я хочу быть достойной отца!

1964

Ты не один!

Дай руку, друг! Не спит планета.
Тревожно мне, тревожно мне.
Горит заря, а где-то, где-то
Земля в огне!

И если ты еще в походе
За мир саванн, за мир долин, —
Ты не один!
Держи на взводе
Твой карабин!

Дай руку, друг! Не спит планета.
Ее беречь нам суждено.
Горит заря, — над нами небо
На всех — одно!

1965

Комиссары

Комиссары, комиссары молодые,
Комиссары в черных кожаных тужурках...
Под Мадридом вас в Испании встречали,
Вы под Курском в танках заживо горели!

Споем, споем теперь — в шестидесятых,
О них, ребята!

Комиссары, вы в застенках умирали.
Только были вы бессмертны, словно правда.
Ложь и слава — все ложилось вам на плечи,
Вас ломали — только так и не согнули.

Споем, споем теперь — в семидесятых,
О них, ребята!

Не померкнет пламя звезд пятиконечных!
Комиссары, вы бессонны, словно совесть.
И недаром рядом с нами невидимо
Комиссары в черных кожаных тужурках.

Споем, споем теперь — в восьмидесятых,
О них, ребята!

1966

Октябрь (С французского)

Эту песню композитор Филипп Жерар посвятил 50-летию Октябрьской революции

По лугам, по перелескам
Светит осень красным блеском.
На рябинах гроздь в ряд,
Как фонарики, горят.
Листья — как сердца,
красные сердца...

Мимо дома, мимо дыма
Мы идем вдвоем с любимым.
В октябре для нас пришла весна!

Этот месяц — добрый мастер,
Людам в дом приносит счастье.
Вышибает в бочках дно
Наше красное вино!
Праздник в октябре,
праздник в октябре!

И не зря на белом свете
Развевает в рощах ветер
Листья, словно красные флажки!

Наш октябрь, подобный чуду,
Разгорается повсюду!
Он живет в календаре,
Словно песня на заре, —
Песня Октября,
песня Октября.

С каждым днем ее все шире
Запевают люди в мире, —
В октябре для всех пришла весна!
1967

Студенты сорок первого года

Бомбежкой разодранный в клочья,
Багрово горел горизонт.
Морозной декабрьскою ночью
Весь курс отправлялся на фронт.

Летели беспомощно к небу
Из книжек зачетных листки.
Озера темнели от гнева,
Леса подымались в штыки.

Студенты сорок первого года,
Мы на верность присягали стране
Студенты, в грозную погоду
Мы сдавали зачет на войне.

У взорванных зданий вокзалов
Трубили в снегу поезда.
Во флягах вода замерзала,
К Москве подходила беда.

А нас ветераны встречали,
Любя, называли «сынки».
И пасьмерть в окопах стояли
Активные наши штыки!

Студенты сорок первого года,
Мы носили автомат на ремне.
Студенты, в грозную погоду
Мы сдавали зачет на войне!

И физик, и лирик, и химик, —
Да мало ли славных ребят, —
Носили единое имя,
Великое имя — солдат.

Полмира прошли мы с боями
За правое дело свое.
Историю делали сами, —
Чтоб дети учили ее!

Нам забыть, кто по пролитой крови друзья,
По-французски нельзя
и по-русски — нельзя...

На планете людей нам нужна тишина!
На планете людей матерям не до сна.
Этот мир защищать наши дети встают, —
По-французски поют
и по-русски поют!

1972

Немецкому другу

Друг и ровесник,
ладонь на ладонь положи!
Пусть между нами не будет ни злобы, ни лжи!
Наша земля, что кружилась от века веков,
Пусть расцветет, как цветок из пяти лепестков!

С Одером — Волга
и с Эльбой пусть дружит Нева!
Мы, молодые, в ответе за эти слова!
Дружба и мир нам понятны на всех языках.
Наша судьба — она в наших с тобою руках!

Липы в Берлине и тополи в Летнем саду, —
К ним мы приходим весною в счастливом году.
Нам обнимать наших милых под шелест ветвей,
Нам — охранять колыбели своих сыновей!

Друг и ровесник,
ты право на жизнь докажи!
Наши мечты мы должны воплотить в чертежи.
Наша земля, что кружилась от века веков,
Пусть расцветет, как цветок из пяти лепестков!

1972

Баллада о кубинской гитаре

Мне в доме под пальмою старой
На Кубе гостить довелось.
Висела на стенке гитара,
Пробитая пулей насквозь!

Семнадцатилетний мальчишка
Был смел на любые дела,
Но вот автоматная вспышка
Гитару его обожгла!
Гитара, пробитая пулею,
Конечно, не может звучать.
Гитара, пробитая пулею,
Конечно,
не может молчать!

Мелодия битвы, воскресни!
Там смелость в атаку звала.
Мы шли в Революцию с песней,
И песня оружием была!
Нам песню оставив в наследство,
Все верно певец понимал,
Когда он на уровень сердца
Гитару свою поднимал!

Друзья, не лишённые слуха,
Под знамя свободы встают.
Не зря революцией духа
Восстания наши зовут!
Ты, Куба, нам песню подаришь,
И где-то на шаре земном
С тобой, незнакомый товарищ,
Мы песню свою допоем!
Гитара, пробитая пулею,
Конечно, не может звучать.
Гитара, пробитая пулею,
Конечно,
не может молчать!

1973

Моя судьба

И беда, и печали
Нас с тобой повенчали.
Я на смерть свысока, свысока, свысока
Смотрел с седла,
И не раз у виска, у виска, у виска
Она прошла!

СВѢТЛАНЁ

Города-на-Любви

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПЕСНИ

ГОРОД НАЧАЛ

Девушке, живущей напротив

Дома у нас — окно в окно,
Хоть протяни ладонь.
Но почему в твоём — темно,
Когда в моём — огонь?

А день весенний так хорош!
Стучит в окно капель...
Ты через улицу живешь —
За тридевять земель...

К тебе разыскивать пути
Я буду много дней,
Но эту улицу пройти —
Не поле перейти!

1948

Свежий ветер песню примчал
От другого края земли...
Любишь ты холодный причал,
Где встречаются корабли?

Любишь ты бродить над Невой
Напролет от зари до зари,
Чтоб в воде и над головой
Путать звезды и фонари?

Чтоб звенела слегка вода,
Еле слышно, едва-едва...
Любишь чувствовать, как тогда
Вызревают в душе слова?

И если почувствую — горя сверх меры хватил,
И небо темнеет,

и нет мне пути назад, —

Ярче солнца и прочих придуманных богом светил
Взойдут надо мною твои глаза.

И если от жажды я буду сходиться с ума,
И врежется в десны одубевший язык —
Дай губы свои.

И ты увидишь сама:

Они живительней, чем родник.

И если оглохну от треска столкнувшихся звезд,
И песни погаснут,

и я позабуду птиц, —

Ты засмеешься — и встану я в полный рост,
Услышав все шорохи самых далеких границ.

И если земля провалится в тартарары
И рассыплется вдребезги, атомами звеня, —
На краю бездонной,

пахнувшей смертью дыры

Руки твои удержат меня...

Пусть мне говорят,

что я недостаточно ловок,

Что очень известное в строчках своих тереблю, —

Плывет над тобой ослепительно новое слово:

Мое «люблю!»

1952

Гонит ветер зиму земную,

Время катится к январю.

Не спеши.

Я немного волнуюсь.

Подожди, дорогая.

Я закурю.

Я обычно так непоседлив,

На любой огонек мчусь.

Не сердись.

Я немного помедлю

На пороге взметенных чувств.

Слишком часто мы верим случаю.
Сядем рядом — плечом к плечу.
Подожди,
я немного прислушаюсь
На границе моих «хочу».

Видишь,
пальцы в каком сплетенье?
Я хочу, чтоб, куда ни ступи,
Между нами не всплыло бы тени,
Даже легкой,
как дым в степи.

Голубой дымок папирос
Виснет в комнате,
тянется криво,
И на темных стеклах мороз
Проявляет свои негативы...
1953

Она любила его так,
Что боялась ходить мимо.
Вслух она сказала: «Дурак!»
А про себя:
«Любимый!»

Губами она сказала: «Пусти!»
А сердцем:
«Прижми сильнее!»
Но он уехал.
Он все простил
И не простился с нею.

Уехал туда,
где лес шумел,
Где от ветра некуда деться.
Он был очень молод.
И не умел
Разобраться в девичьем сердце...

1954

Скоро на этих травах простых
Осядет дыхание вьюг,
И поезд отстукает каждый стык
На линии Север — Юг.

Пожалуй,
я «молнию» не пошлю,
О выезде промолчу,
С минуту на лестнице потерплю —
И в дверь к тебе постучу.

Но нет...
В кармане плаща моего
Ношу я квартирный ключ.
Ты мне в день отъезда дала его,
Глазами сказав: «Люблю».

И я улыбнусь.
Не спрошу ни о чем.
И хоть бы у всех на виду
Открою двери твоим ключом
И в счастье к себе войду...

1955

Если бы дали волю влюбленным

Если бы дали волю влюбленным,
Влюбленным сейчас и любившим вчера,
Город за ночь стал бы совсем обновленным
И мы бы его не узнали с утра.

Бывают события личного свойства,
Не достигшие мировых вершин, —
Свои провалы,
свои геройства,
Большие в масштабах одной души.

Доступно, наверно, волшебной линзе
То, что не видит обычный взор:
Стоят обелиски разбитых жизней,
Надгробия непоправимых ссор.

А если припомнить в минуту иную
Ту встречу,
... что в жизни была лишь раз, —

Памятник Первому Поцелую
Незримо возводит каждый из нас...

Если бы дали волю влюбленным —
Всем миллионам сердец и рук, —
По справедливым сердечным законам
Стали б твориться дела вокруг.

Влюбленные договорятся друг с другом
В свете высших своих задач
И самый далекий и темный угол
Отведут для нытижков и неудач.

А поскольку история быстротечна
И менять таблички всем надоест,
Они утвердили б названия вечно
По скрытым признакам данных мест...

И тогда, конечно, без опоздания,
Пройдя по Бульвару Смеющихся Глаз,
На перекрестке Счастливых Свиданий
Любимые девушки встретили б нас...

Но мы о названиях спорить не будем.
Не к этому сводится речь моя:
Больше вниманья обычным людям —
Таким же обычным, как вы и я!

1956

По городу неслышно бродят шорохи
На мятких каучуковых подошвах.
И сколько в их неуловимом ворохе
Видений и воспоминаний прошлых...

Проходят годы, оставляя трещины,
А иногда — кусок из жизни вынут,
Но с каждым днем отчетливей и резче
Я ощущаю правды сердцевину.

...Чердачная поскрипывает лестница,
Умолк детей соседских шумный улей.
Молчит моя ночная собеседница,
Чуть слышно шелком шелестя на стуле.

СВИДАНИЕ НАЗНАЧАЮ...

По женскому доброму сердцу
Ты не гонишь меня.
А я прихожу погреться
Возле чужого огня.
Пришлось на себе убедиться,
Что в силу многих причин
Ночные костры экспедиций
Не очень-то греют мужчин...
Кидало и в горы, и в степи,
Мотал грузовик и седло.
И, видно, порою не с теми
Делил я свое тепло...
А к счастью дорог немало.
Иные доступны всем:
Каких-нибудь три квартала
Автобусом номер семь...
И лучше не надо вопросов,
Которым и верь и не верь.
С последнею папирсой
Я выхожу за дверь.
Мне звезды спокойно светят,
И кажется, по прямой
Весь мир обошедший ветер
Вернулся к себе домой...

1957

Я, видно, сегодня совсем не усну.
Туман очертания сопок сгладил.
Я третий год не встречал весну, —
Какая она теперь в Ленинграде?

Сегодня по городу майскому, мокрому
Охалки сирени несут поутру,
И девушки — мученицы влюбленных
фотографов —
Застывают у памятника Петру.

А я на таком расстоянии чертовом,
По каким-то законам, не раскрытым никем,
Вижу весь город до крохотных черточек —
Щербинки на камне,
пушок на щеке,

Морщинки у глаз — смешливые лучики...
Я, кажется, что-то напутал в конце?
А впрочем,

наверное, самое лучшее —
Видеть весь город в одном лице!

1957

Вертолет

...Над палатками — туман, как молоко.
До Большой земли отсюда далеко.
Только версты,
только сопки,
только лес.
Хлеб и почта к нам спускаются с небес...

В синем небе облака словно лед.
В синем небе вертолет, вертолет.
Надо мною он трещит, как стрекоза,
И таращит удивленные глаза.
Ну, чего ты над душою повис?
Лучше лесенку спусти прямо вниз.

В дальнем городе все замерло уже.
Спит любимая на пятом этаже.
У окна ее замедлим полет.
Ты постой немного в воздухе, пилот!

Понимаешь,
захотелось с высоты
Положить на подоконник ей цветы.
Чтобы утром подошла она к окну,
Чтобы руки протянула в тишину,

Принес я дров веселый ворох,
Поджег бересту угольком.
Дрова, сухие, словно порох,
Горят бездумно и легко.

А я сижу у самой дверцы
За низким струганым столом
И отогреть пытаюсь сердце
У печки занятым теплом.

В углу стоит, как короб, шуба —
Залубенела на горбу.
Уходит время с легким шумом
В печную звонкую трубу.

Я сигарету разминаю.
Она погасла.

Я молчу.

Я ничего не вспоминаю.
Я лишь тебя забыть хочу.

1958

Какие снятся человеку сны,
Когда лежит он на руке жены?
Он очень молод — только двадцать два,
И жизнь его намечена едва.
Неслышно в ночь уходят поезда.
Мигает ненавязчиво звезда.
Ничто не нарушает тишину.
Спит человек,

обняв свою жену.

Он видит луг, обдутый ветерком,
Тропинки, где он бегал босиком,
Кораблик, вдаль уплывший по весне, —
Ведь детство повторяется во сне...
А может быть,

он видит корабли,

Летающие в космической пыли,
И он — участник завтрашней игры —
Осматривает звездные миры...

Зимнее письмо

Что тебе послать, родная, —
Я не знаю.
Эта тундра ледяная —
Глушь земная.
Положил в письмо бы льдинку,
Так растает.
Положил бы я травинку —
Не бывает.
Положил бы перья чайки —
Рано птицам.
Вьюги музыку ночную —
Приглушится,
Неба стылого осколок —
Не достанешь.
А полярное сиянье —
Не отлочишь...

Голубой конверт почтовый
Слишком тесен.
Ничего в него не вложишь,
Кроме песен...
Если песня тихо-тихо
Будет петься,
Ты услышишь, как тревожно
Бьется сердце...

1959

Встреться со мной

Свидание назначаю я —
Не обойди стороной.
Радость моя печальная,
Встреться со мной!

Я верю в твой сказочный терем еще,
Не спрятанный за стеной.
Радость моя недремлющая,
Встреться со мной!

Под небом весенним, ветреным
Я не хочу иной.
Радость моя немедленная,
Встреться со мной!

Я славлю счастливый случай,
Сблизивший наши души...

Слушай,
 моя родная, —
Вертится ось земная.
Все о тебе я знаю,
Ветка моя лесная...

Слушай,
 моя любимая, —
Радость неистребима.
Зримая,
 неколебимая,
Она не проходит мимо.

Полночь проходит мимо,
Полночь почти голубая...
Слушай меня,
 любимая,
Слушай меня,
 улыбаясь...

1960

Ах, полянки вы,
 полянки!
Ни пылинки,
 ни поганки.
Тихо, тихо...
 Чисто-чисто...
В полдень птицам не до свиста,
И в траве от зноя сникла
Земляника,
 земляника...

Я стою совсем неслышно:
Лишний я или не лишний?

Называют вас,
 полянки,
Тонким именем: «еланки».

Ты ушла ненадолго...

А может — надолго ушла?

Два больших апельсина — два маленьких

солнца —

Отражаются в струганых досках стола...

1961

Телефон-автомат

Телефон-автомат

удивительно просто

Укрепляют на уровне среднего роста.

Поищите,

поройтесь в своем кошельке,

В две копейки монету сожмите в руке

И войдите в стеклянную будку,

войдите

И, как дети в копилку,

в автомат опустите.

О спаситель влюбленных,

телефон-автомат!

Мы не станем вращать его диск наугад.

С легким треском прокрутятся нужные цифры,

Чтоб сложиться в особые,

мудрые шифры.

И за сотнями улиц,

далеки-далеки,

Утомительно долгие стынут гудки...

Я на медную мелочь смотрю удивленно:

О, как нынче легко общаться влюбленным!

Телефон-автомат нам особенно рад.

Можем мы говорить три минуты подряд,

И сказать: «Дорогая!»

и спросить: «Ты здорова?»

Как порой мы недорого платим за слово! —

Две копейки...

А ждем — поворота в судьбе...

Телефон Телефоныч, спасибо тебе!

...Но стоит у знакомого мне автомата

Человек и задумчиво, и виновато.

Вот и будка свободна,
и много монет.
Только адреса нет.
Только — номера нет...

1962

Качался год на коромысле равноденствия, —
Сентябрь менял обои для жилья.
И длилось неоконченное действие,
Где были только двое — ты и я.

Я вышел в город с поезда ночного,
Спеша тебя увидеть,
удивить,

И шел к тебе,
смущенный до смешного,
На цыпочках — стесняясь разбудить.

А ты во сне летала,
словно в детстве.

Я шел к тебе и обгонял рассвет.
Качался год на коромысле равноденствия.
Ты колебалась между «да» и «нет»...

1963

Три дня дождя

Шел дождь,
как человек беспечный,
По улицам и площадям.
В садах шатался по газонам
И по афишам стрекотал.

Цветы раскрылись над толпою
На металлических стеблях:
Ведь зонтики цветам подобны,
Но только чашечками вниз...

А девушки в плащах прозрачных
Хрустели вкусно и свежо,
Как сувениры в магазинах,
Завернутые в целлофан...

— Какую хочешь ты в подарок? —
Я слышу, дождь спросил меня.
— Спасибо.

Мне уже не надо.
Я выбрал.
Навсегда.
Одну.

1963

В музее

А летом прохладно в музеях —
Огромных,
роскошных,
пустых!

Затрутся два-три ротозея
И бродят меж рам золотых.

И видеть туристов не чая,
Что стадом вприпрыжку пройдут,
Служители, явно скучая,
На гамбсовских стульях вздремнут,

Но — словно под сводом вокзала,
Где поезда ждут дотемна, —
Бессменные,
бродят по залам
Бессмертные — Он и Она...

Ни дома у них,
ни квартиры.
Ты их во дворце не спугни, —
Условным,
загадочным миром
Сегодня владеют они.

Влюбленные нашего века
У старых фламандцев сидят.
Влюбленные нашего века
На них никогда не глядят.

Искусство не любит крикливых, —
Но это одна сторона.
А любит искусство счастливых, —
Не знают ни он, ни она...

Какие проблемы решают
Они в отчужденье своем?
Искусство...

Оно не мешает
Всегда оставаться вдвоем...

1963

Липы пахнут перед дождем.
Постоим.

Помолчим.

Подождем.

Все уложено.

Стены пусты.

(Под окном глухо дышат кусты.)

Что ж...

Старинное правило есть —

Перед новой дорогой присесть.

Кто для дальних дорог не рожден,

Все равно нас с тобой не поймет.

(Липы пахнут перед дождем.

Будет солнечным липовый мед...)

Вон просыпан зубной порошок.

Нам с тобой было здесь хорошо...

Здесь останутся наши следы,

Только наши, и больше ничьи.

Вот и первые

светлые капли воды —

Две смешные слезинки твои...

Это ласковый дождик грибной

Шелестит над тобой,

надо мной...

Телеграфные арфы гудят.

Оглянись, если хочешь, назад.

Мы с тобой целиком заберем

Дом,

в котором мы жили вдвоем.

Как бы ты ни грустила сейчас —

Все равно есть два дома у нас:

Для тебя — это сердце мое,

Для меня — это сердце твое...

1963

Простое чудо

Я тебя о чуде не просила.
А ведь это просто — сотвори!
Подари мне ящик апельсинов,
Крупных,
самых спелых подари.

Эта кожа рыжая шершава,
Ласкова, бугриста, — посмотри:
Маленькая сладкая держава
С косточками скользкими внутри.

Я кусаю апельсин за щечки,
Как живой, кусаю, — получай!
Сладок мир,
да в горькой оболочке,
Словно сразу «здравствуй» и «прощай»...

Подари мне ящик апельсинов!
Просто так — ты слышишь? — подари.
Говори про дочку и про сына,
Шепотом,
чуть слышно говори...

Не спрошу тебя, пришел откуда
И куда еще тебе спешить.
Чудо...
Что же это значит — чудо?
Кто его сумеет совершить?

Где-то на обычном белом свете
Светятся
заморские сады:
Снятся мне веснушчатые дети,
От плодов рождаются плоды...

1964

Что такое — заедает быт?
Ты ушла,
сердито хлопнув дверью.
Вышел муж из твоего доверья?
Он к тебе гвоздями не прибит...

Чужому счастью можно завидовать,
Поскольку его ни занять,
ни выдумать...

1967

Ты — одна

Три миллиарда людей на планете,
А ты у меня одна.
Полтора миллиарда женщин на свете,
А ты у меня одна.
Сколько же можно женщин увидеть
Только в одну весну!
Это, должно быть, непросто — выбрать
Только тебя одну!
Черные, белые, красные, желтые,
А ты у меня одна.
Как же тебя, интересно, нашел-то я?
Ты у меня одна...
Сколько на свете красивых женщин,
А ты у меня одна.
Мне тебя даже и сравнивать незачем —
Ты все равно одна.
Любая — веселая, злая, больная ли —
Ты у меня одна.
Со всеми тревогами, всеми печальями —
Ты у меня одна.

Три миллиарда людей на планете, —
Статистика мне смешна.
Только одна ты живешь на свете,
Только одна нужна.
Только одна...

1967

Первое утро

Ты трогала руками тело,
Тугие косы теребя.
Ты долго в зеркало смотрела,
Не узнавая в нем себя.

Техника и любовь

От техники невольно мы зависим.
Следы любви?

Какие пустяки!

Но умер век прекрасных длинных писем.
Остались — телефонные звонки...

1968

Приходи попрощаться на росстани, —
Не увидимся мы целый год.
Вновь по утренней солнечной роздыми
Отойдет, прогудев, теплоход.

Будут бакены — белые призраки —
Набегать на меня по бортам.
Это — знаки.

И добрые признаки,
Что взгрустну по любимым местам.

Я не знаю, что в будущем сделаю
За последней из волжских излук.
Но любовь, словно птицу несмелую,
Не хочу выпускать я из рук...

Я зажмурюсь.
Все вспомнится пристальной.
А основа у снов — синева.
А за росстанью следуют пристани...
Как точны вы,
родные слова!

1969

Назови меня по имени,
Неприменно — позови меня
И рукою в подтверждение
Сделай нежное движение.

Ты скажи мне тихо:
— Левушка!
Эх, бедовая головушка!
Разве что-нибудь потеряно,
Если я в тебе уверена?
Если что-то и случается —
Все проходит,
все кончается.

Все исполнятся пророчества,
Если нам с тобой захочется.
Ну а если не захочется —
Так зачем они, пророчества?

Если есть колени женщины,
Все найдется,
что обещано...
Назови меня по имени,
У тревоги отыми меня...

1969

Слезы

Ты слез стыдишься, очевидно.
Я подглядел тайком — прости.
Но плакать от любви не стыдно.
Стыдней — до слез не дорости...

1969

И лампа, что горела вполнакала,
Вдруг — ровно в полночь — солнцем
засверкала.
— Кто там стучится?
— Я тебя искала...

Ее словам
я двери отворяю.
Ее правам
я слепо доверяю.
Как заклинанье,
тихо повторяю:
Неотвратимо,
как явление
лета,
Неощутимо,
как давленье
света,
Любовь пришла — и требует ответа...
1969

Гуниб

С чем рифмуется Гуниб?
Вижу шиферные крыши,
А над ними, чуть повыше,
Гор волнующий изгиб.
Ты в горах порой услышишь
Мирозданья грузный скрип
Или — выклики кукушки
На черепневой опушке.
Как об этом ты напишешь?
С чем рифмуется Гуниб?
На вершине Дагестана,
У Шамилевой твердыни
Я задумчиво стою.
Как ты там,
моя Светлана,
В том березовом краю,
Что при речке, при долине...
С чем рифмуется Гуниб?
Красота — она опасна,

Красота — она всевластна...
Я приехал — и погиб.

Вот — орлиная скала.
На скале с какой-то целью
Подобрал перо орла.
Щекочу пером за ухом,
Поклоняюсь горным духам,
Что таятся по ущелью...

Ночью воздух сух, как пакля.
Чиркнешь спичкой — задымит.
Горцы спят,
 да так,
 что сакля
На скале своей дрожит!

С чем рифмуется Гуниб?
Гости пели и смеялись.
Вот остались мы одни б,
Мы б с тобою рифмовались...
1969

Счастливая любовь

О счастливой любви на углах не орут.
У счастливой любви — нетипичный маршрут.
Здесь находки — не в счет,
 и успех — не в успех,
И ее — что скрывать? — не хватает на всех...

Вот в несчастной любви — там другой оборот:
Каждый пару себе по несчастью найдет.
И местком соберется судить да рядить.
Как мы любим болячки при всех бередить!
Хочешь — сиднем сиди,
 хочешь — в рюмку гляди,
На обширной груди
 утешенье найди...
Знаем издавна — даже не слишком проси —
Утешительниц много всегда на Руси!
Так повсюду открыты
 (не хочешь — живи!)

Ателье по ремонту несчастной любви!

Свет

Ну откуда в тебе столько света,
Что мне светит он тысячу лет?
Я, как будто большая планета,
Отражаю твой собственный свет...

Ну откуда в тебе столько мрака?
Вдруг ты взглянешь — и бездна,
и тьма,
И, как будто слепая собака,
Я схожу, холодея, с ума.

И по следу, о корень споткнувшись,
Я бегу — и никак не пойму:
Неужели мой свет,
отвернувшись,
Навсегда уплывает во тьму?!

1971

Копенгагенская русалочка

Ты захватана всеми туристами,
Ты растащена сотнями глаз.
Только что-то извечное, чистое
Оставляешь ты не напоказ.

Ах, русалочка, девочка, дурочка!
Вечно в море глядишь ты в тоске.
Пароходик, как белая чурочка,
Чуть качается там вдалеке...

Ах, наивная детская сказочка!
Кто сегодня поверит в нее?
Но шарманки старинная фразочка
Все цепляет за сердце твое.

Рукоятка скрипучая вертится,
Чудеса обещая взамен,
И во что-то хорошее верится,
Так, как верил добряк Андерсен.

Сколько в жизни дорог уместается
За спиной
или вот — за кормой.

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ О СЫНЕ

Прогулка с сыном

Антону

Под птичий залиvistый гам
Себя так легко мне одаривать:
Брожу по полям и лугам
И сына учу разговаривать.

Как детство мое далеко!
Оттуда — ни звука, ни отклика!
А сын говорит: «Молоко», —
И смотрит на белое облако!

Он заново видит слова,
Да так, что меня озадачивает.
Смешная его голова
Мелькает среди одуванчиков.

Он трогает каплю смолы
На срезе ствола суковатого.
Он в страхе бежит от пчелы —
Опасного зверя мохнатого.

Как белка в лесной тишине,
В защите и праве уверенный,
Он лезет на плечи ко мне,
Как будто на старое дерево...

В торжественных солнца лучах
Идем на далекую радуго.
Я сына несущу на плечах
И радостью новою радуюсь.

Прекрасно мое бытие!
Как будто второе рождение!

Мы в двадцать лет своим умом
Еще никак не понимаем,
Каким богатством обладаем,
Упрятанным в себе самом!

С бессмертием исподтишка
Теперь вступаю в состязанье:
Я чую — где-то в подсознанье
Во мне спрессованы века!

Твой лепет, сын, смешон и мил.
Не знаю, чем тебя прославлю,
Но знаю, что тебе оставлю:
И дом, и сад, и свет, и мир.

И если где-нибудь в борьбе —
Прости меня! — согнусь и струшу,
Бессмертную — я знаю — душу
Я все же передам тебе!

1973—1974

ГОРОДА-НА-ЛЮБВИ

Песни

Звезды в кондукторской сумке

*Светлой памяти Лиды Клемент —
первой исполнительницы этой песни*

Я — кондуктор трамвая, мне город знаком,
Все считают работу мою пустяком.
Я зимою и летом

отрываю билеты

И мечтаю в вечернем вагоне пустом:

Я лечу, лечу, лечу, лечу

Над землей

И шепчу, шепчу, шепчу, шепчу:

«Милый мой,

Где же ты и когда ты войдешь в мой вагон?

Нас зеленой звездой зовет небосклон...»

И все круче, круче, круче, круче

Полет,—

Через тучи,

через звезды —

всё вперед.

Всех земных пассажиров с собой я зову.

Я билеты до звезд вам продам наяву...

Под дождем я по улицам спящим иду.

Каждым утром чего-то я нового жду.

Над рекой голубою,

над своей головою

Я счастливую мокрую вижу звезду.

Я ловлю, ловлю, ловлю, ловлю

Звездный свет.

Я люблю, люблю, люблю, люблю

Мир планет.

Светофоров зеленые звезды горят.

Нам с тобой все дороги открыты подряд.

И все круче, круче, круче, круче

Полет,

Но снова качает, качает
Задира-ветер фонари над головой.
И снова шагает, шагает
Веселый парень по весенней мостовой.
Листает, листает, листает,
Учебник химии листает на ходу,
Не знает, не знает, не знает
Что каждым утром я вслед за ним иду...

Пройдет много лет,
И поймет мой студент,
Что формулы счастья в учебниках нет.
Есть в книгах твоих
Много истин других,
А формула счастья — одна на двоих...

Все так же качает, качает
Задира-ветер фонари над головой.
Все так же шагает, шагает
Веселый парень по весенней мостовой.
Листает, листает, листает,
Листает так же он учебник на ходу
И так же не знает, не знает,
Что каждым утром я вслед за ним иду!

1964

Наша песня не кончается

Под задумчивыми кленами,
Под Ростральными колоннами,
Всюду замерли влюбленные —
Мудрецы и чудаки...

Где заря с зарею сходятся, —
Наши сходятся пути.
Над Невой мосты разводятся, —
Нам до дома не дойти...

И от пристани до пристани
Бродим с девушкой единственной,
Ей в глаза гляжу я пристально —
Вижу звездные миры...

На волне звезда качается —
День и ночь не различить.

Наша песня не кончается, —
С нею нас не разлучить!

1964

Теплый снег

Снег над Невой —
Словно живой...
В белых шапках — ряды фонарей.
Всюду бело,
Снег намело
У закрытых твоих дверей...

Где ты, снежинка ночная?
Ты растаяла каплей воды...
Где я
на проспектах узнаю
Голубые твои следы?

В Летнем саду,
Снежном саду
Только статуи ночью грустят.
Я не уйду,
Я подожду,
И услышу — шаги хрустят...

Здравствуй, снежинка ночная,
Неожиданный мой человек!
Видишь — я тебя обнимаю
И становится теплым снег...

1965

Песня о первой любви

Чайки за кормой верны кораблю,
А ветрам — облака.
Трудно в первый раз сказать «я люблю»,
Так любовь нелегка...

Первая волна — еще не волна,
Шторм придет — погоди...
Первая любовь светла и грустна.
Что там ждет впереди?

Море позовет и мне пропоет
Свой заветный мотив.
Первая любовь придет и уйдет,
Как прилив и отлив...

1966

Гордая песня

Живет мой милый за сто городов,
Туда уходит сотня поездов.
И каждый день для тех, кто письма шлет,
Туда летит почтовый самолет.

А я его, далекого, люблю.
Но я билет на поезд не куплю.
На почте я конверт не попрошу
И адреса на нем не напишу...

Живет мой милый за сто городов.
Туда уходит сотня поездов.
Да я б стянула платье ремешком,
Да я б туда пешком пошла, пешком!

Да я бы ноги стерла до колен,
И ничего не надо мне взамен!
Да, я люблю
и третий год грущу,
Но никогда обиды не прощу!

1967

Томичка

Мне кедровый орешек
Подарила тайга
Там, где бродит Олешек
Золотые Рога...
Я каленое ядрышко
Прикушу, прикушу.

Посидеть со мной рядышком
 Попрошу, попрошу...

Ах, томичка, томичка,
 Ты меня не томи!
 Ты сними рукавичку,
 Руку мне протяни.
 Назову ли любимой
 Я тебя наяву, —
 По реке по Чулыму
 До тебя доплыву...

Что мне делать с любовью?
 Вдруг да это обман?
 А за Томью, за Томью,
 А за Томью — туман...
 Что мне делать с любовью,
 Если это — любовь?
 А за Томью, за Томью —
 Неоглядная Обь.

Я кедровым орешком
 Ворожу, ворожу,
 Но о многом, конечно,
 Ни за что не скажу.
 Что мне делать — не знаю:
 До высоких широт
 Лишь скорлупка пустая,
 Может быть, доплывет...
 1968

Две печали

Где-то над стылой водою,
 Где-то под синей звездой
 Плыли две женских печали,
 Тихо крылами качали...

Я про себя гадаю,
 Что дальше быть должно:
 То ли любить,
 а то ли — забыть?
 Третьего мне не дано...

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Я верю</i>		5
ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ		
<i>Стихотворения</i>		
<i>Песни</i>		
Утро на море		9
«Песок до блеска волнами укатан...»		9
Необходимость		9
Весна		10
Попытка биографии		11
Размышление о скоростях		12
Движение		13
Семя		13
Антенна		13
В стране по имени Сибирь		15
Открывание Сибири		15
Северный мотив		16
Вступление в Сибирь		17
Ода буровикам		18
Бетонщик		19
Галя-Паля		20
Сашка-бульдозерист		22
Сказки сибирские		23
Возвращение к истокам		25
«...Водой колодезной умыться...»		25
Уроки чистописания		26
Шпалы		26
«Я» и «Мы»		26
Россия, год семидесятый		27
На волжском берегу		27
Ленин—Волга		27
Дом Ленина в Ульяновске		28
У школы Ленина в Ульяновске		28
С памятью наедине		30
Воспоминание о ночной Праге		30
Песня странствующего монаха (<i>Русь, XIV век</i>)		31
Баллада о Макаре, строителе мостов		32
Баллада о шоферше Татьяне Владимировне и парне с «Русского дизеля»		34
Старуха		36
Старый маршал		37
Фронтная кинохроника		39
Сон		40
Шахматы		40
Ночное купание лошадей		41
Баллада о часах Фрэнка Бормана		42
Ты не один. Песни		44
Голубые города		44
Что у вас, ребята, в рюкзаках?		44
Песня о моем отце		45
Ты не один!		46
Комиссары		46
Октябрь (<i>С французского</i>)		47

Студенты сорок первого года	48
Утренняя песня	49
Россия — Франция (В память 30-летия эскадрильи «Нормандия—Неман»)	49
Немецкому другу	50
Баллада о кубинской гитаре	50
Моя судьба	51

ГОРОДА-НА-ЛЮБВИ

Стихотворения

Песни

Город Начал	55
Девушке, живущей напротив	55
«Свежий ветер песню примчал...»	55
«Помнишь? Это на северной ставции было...»	56
Море моей любви	56
Объяснение в любви	57
«Гонит ветер зиму земную...»	58
«Она любила его так...»	59
Кукушка	60
«Когда покроет воду в ведре.»	60
Если бы дали волю влюбленным	61
«По городу неслышно бродят шорохи...»	62
Свидание назначаю...	64
«По женскому доброму сердцу...»	64
«Я, видно, сегодня совсем не усну...»	64
Вертолет	65
«Вокзальная традиция жива...»	66
«Принес я дров веселый ворох...»	67
«Какие снятся человеку сны...»	67
«За страницей страницу..»	68
«Не надо нам сердца черствого...»	68
«Над звонким золотистым срубом...»	69
Зимнее письмо	70
Встретиться со мной	70
«Я знаю — люди перед смертью плачут...»	71
Монолог	71
«Ах, полянки вы, полянки!..»	72
«Ну о чем нам грустить, о чем?...»	73
Ссора	74
Телефон-автомат	75
«Качался год на коромысле равноденствия...»	76
Три дня дождя	76
В музее	77
«Ляпы пахнут перед дождем...»	78
Вокзалы	79
«Ели колются, ели елятся...»	79
Простое чудо	80
«Что такое — заедает быт?...»	80
Русская рябина	81
«Поэт написал пять песен...»	83
Письмо на бересте	83
«О счастье заранее не уславливаются...»	84
Ты — одна	85
Первое утро	85

«Не лги — ты не умеешь быть счастливым...» . . .	86
Техника и любовь	87
«Приходи попрощаться на расставии...»	87
«Назови меня по имени...»	87
Слезы	88
Любовь-подарок	89
«...А зрелая любовь чуть-чуть грустна...»	89
Закливание	89
Гуниб	90
Счастливая любовь	91
Любимой — о синих розах	92
Женщина и дождь	93
Свет	94
Копенгагенская русалочка	94
Осеннее объяснение в любви	95
«От успехов, неуспехов...»	95
Беломорье	96
Восточный мадригал	97
Любовь-подарок	98
Три стихотворения о сыне	99
Прогулка с сыном	99
Дом	100
Сыну	100
Города-на-Любви. Песни	102
Звезды в кондукторской сумке	102
Качает, качает...	103
Наша песня не кончается	104
Теплый снег	105
Песня о первой любви	105
Гордая песня	106
Томичка	106
Две печали	107
Эхо-вальс	108
Города-на-Любви	109

Лев Валерьянович Куклин

„Я ВЕРЮ“

Стихотворения. Песни

Редактор Н. А. Чечулина. Художник И. З. Семенов. Художественный редактор И. В. Зарубина. Технический редактор Г. В. Преснова. Корректор В. Д. Чаленко.

Сдано в набор 16/IX 1976 г. Подписано к печати 8/II 1977 г. М-23536
 Формат 84×100¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 5,46. Уч.-изд. л. 5,94
 Тираж 25 000 экз. Заказ № 769. Цена 51 коп.

Лениздат. 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

51 коп.

20